

Протянуть руку ребенку

«Цифры» И. Бунина.
«Свечечка» Ю. Казакова.
Текстовые параллели

Общность сюжетно- композиционных элементов

- Препозиция – воспоминание о давнем вечере, попытка объяснить своё душевное состояние и рассказать о детской «страсти» собеседника.
- Завязка – осознание разницы душевных состояний и желаний взрослого и ребенка; начало противостояния (пока неконфликтного) между героями.
- Развитие действия – отказ взрослого сделать шаг навстречу ребенку, разрастание противостояния до конфликта, сопровождаемое внутренней рефлексией старшего .
- Кульминация – «ссора» героев.
- Развязка – примирение.

Общность мотивов повествования и расстановки героев

- Герои – взрослый (рассказчик) и маленький (сегодня – «виртуальный», предполагаемый слушатель, раньше – участник событий).
- Мотив осознанной вины и покаяния перед собеседником.

«Мечта» = «страсть». Герой «Цифр» постарше – он мечтает о книжках и карандашах. Алёша в «Свечечке» ещё мал, и его страсть – машинки. Но том и другом случае можно говорить о порыве к познанию нового.

- Ты в этот день проснулся с новой мыслью, с новой мечтой, которая захватила всю твою душу.
- Только что открылись для тебя еще не изведанные радости: иметь свои собственные книжки с картинками, пенал, цветные карандаши - непременно цветные! - и выучиться читать, рисовать и писать цифры
- Но сначала я хочу сказать тебе о твоей страсти. А страсть тогда была у тебя одна: автомашины! Ты ни о чем не мог думать в те дни, кроме как об автомашинах. Было их у тебя дюжины две - от самого большого деревянного самосвала, в который ты любил садиться, подобрав ноги, и я возил тебя в нем по комнатам,- до крошечной пластмассовой машинки, величиной со спичечный коробок. Ты и спать ложился с машиной и долго катал ее по одеялу и подушке, пока не засыпал...

«Озвучив» мечту, ребенок сталкивается с обещанием *будущего* счастья. Взрослый – на позиции «понимающего», но он предлагает «перенести счастье» на другой день. Для малыша это невозможно.

- Открыв утром глаза, ты тотчас же позвал меня в детскую и засыпал горячими просьбами: **как можно скорее выписать тебе детский журнал, купить книг, карандашей, бумаги и немедленно приняться за цифры.**
- - Но сегодня царский день, все заперто, - соврал я, чтобы **оттянуть дело до завтра или хоть до вечера:** уж очень не хотелось мне идти в город.
- - **Хочешь кататься на настоящей машине!**-сказал ты. - Что ты, милый!-возразил я.-Теперь поздно, скоро спать... А потом - куда же мы поедем? - Поедем... поедем...-ты запнулся, перебирая в уме места, куда бы мы могли поехать. **-В Москву!** - Ну -в Москву! - сказал я. -Зачем нам Москва? Там шумно, сыро. А потом это ведь так далеко! - Хочешь далеко!- упрямо возразил ты. - **Ладно,** - согласился я, - поедем, но только через три дня. Зато я тебе обещаю: завтра мы поедем с тобой в магазин

Ребенка в том и другом рассказе отличает активная готовность к действию, открытость и искренность в проявлении чувств

- ...твое сердце с **НОВОЙ СТРАСТЬЮ** вернулось к той заветной мечте, которая так пленяла тебя весь этот день
- ...с торопливой **ГОТОВНОСТЬЮ К НОВОМУ СЧАСТЬЮ** сказал ты, хватая меня сначала за одну, потом за другую руку.

Поведение взрослых в конфликтной ситуации почти совпадает, они не могут совладать с эмоциями, не осознают происходящего, находятся «вне сознания»

- **Какой черт окатил меня в эту минуту целым ушатом злобы? У меня помутилось сознание. И надо было видеть, как дрогнуло, как исказилось на мгновение твое лицо молнией ужаса!**
- **- Никаких тебе машин! - страдальчески, даже злобно закричал я в ответ и только теперь почувствовал, как обдало меня холодным потом и как колотится мое сердце.- Мерзкий ты мальчишка! Как смеешь ты не откликаться, когда тебя папа зовет!**

Реакция героев на конфликт в рассказах кардинально различается: у Бунина рассказчик, уже осознавая свою вину, старается в своих глазах выглядеть рассудительно, а ребенок, не чувствуя себя виноватым, интуитивно ищет путь отмщения . В «Свечечке» старший ещё не унял волнения и поэтому ведет себя как

дитя. Ребёнок же молча принимает все обвинения.

- ...вдруг ты поднял голову и, глядя на меня злыми, полными презрения глазами, хрипло сказал:
- - Теперь я никогда больше не буду любить тебя.
- Потом подумал, хотел сказать еще что-то очень обидное, но запнулся, не нашелся и сказал первое, что пришло в голову:
- - И никогда ничего не куплю тебе.
- - И никакого камина я тебе не растоплю, и никаких свечек тебе не будет, никаких выключателей, и гулять мы с тобой больше никогда не пойдём! - выговаривал я тебе дорогой.- И вообще, не будь ты такой маленький, я бы тут же поставил тебя в угол на целый час! И все бы машины отобрал и запер!

Конфликт не заканчивается ссорой, он приводит к острому проявлению одиночества героев: у маленьких это одиночество вынужденное, они делают наивные попытки воссоединения, но взрослые не делают шага навстречу, не «замечают» протягиваемой руки

- Ты сидел на полу, изредка подергивался от глубоких прерывистых вздохов, обычных у детей после долгого плача, и с потемневшим от размазанных слез личиком забавлялся своими незатейливыми игрушками - пустыми коробочками от спичек, - расставляя их по полу, между раздвинутых ног, в каком-то, только тебе одному известном порядке.
- **Как сжалось мое сердце при виде этих коробочек!**
- Придя домой, я сердито включил телевизор, а ты ходил по столовой и играл сам с собой. (До сих пор простить себе не могу, что, сердясь на тебя, так долго смотрел какую-то скучную передачу!) Ты мог часами играть один, не обращая ни на кого внимания, но в тот вечер ты томился.

Шаг к ребенку делается взрослым от почти физического осознания своей вины, понимания того, что отказывать ребенку в познании мира грешно

- - Ну уж бог с тобою!
Неси сюда к столу стул,
давай карандаши,
бумагу...
- И какой радостью
засияли твои глаза!
- Но вот я взглянул на
тебя пристальней,
встретил твой какой-
то особенный,
ожидающий взгляд и
увидел твое томление и
как бы мечту о чем-то.
Звук, ток укоризны и
прошения исходил от
тебя, и сердце мое
забилось.
- - Ну-ну, милый, ладно! -
сказал я.- Иди ко мне...

Маленькие герои рассказов не помнят обиды, даже в проявлении счастья они *деликатны и осторожны*

- **И какой радостью засияли твои глаза!**
- Как хлопотал ты! Как боялся рассердить меня, каким покорным, **деликатным, осторожным в каждом своем движении старался ты быть!** И как жадно ловил ты каждое мое слово!
- Глубоко дыша от волнения, поминутно слюнявя огрызок карандаша, с каким старанием налегал ты на стол грудью и крутил головой, выводя таинственные, полные какого-то божественного значения черточки!
- Как мгновенно преобразился ты, какое счастье переполнило тебя сразу, как кинулся ты опрометью от меня, ...с разбегу упал на четвереньки, потом сел, повернулся ко мне лицом и, ...с выражением восторга, ожидания, но в то же время и робко еще - не раздумал ли я? - взглянул своими потемневшими, **расширившимися от волнения глазами на меня!**

Взрослый так же нуждается в ребенке, в его физическом присутствии, как и ребенок в своевременной помощи взрослого. Если счастье ребенка – в познании мира, то счастье взрослого – в возможности этот мир подарить

- Теперь уже и я наслаждался твоею радостью, с нежностью обоняя запах твоих волос: **детские волосы хорошо пахнут, - совсем как маленькие птички.**
- Озаренный свечой, ты сиял, светился, глаза твои, цвета весеннего неба, лучились, ушки пламенели, **взлохмаченный пух белых волосиков** нимбом окружал твою голову, и мне на миг показалось, что ты прозрачен, что не только спереди, но и сзади ты освещен свечой.